

для вѣрующнхъ только въ человѣческія силы. „Покуда ничего“— это отвѣтъ культуры, имъ можетъ питаться только внѣшній человекъ, для сознанія же, охваченнаго воплемъ умерщвляющей совѣсти, для внутренняго человека, все существо котораго попадаетъ Толстовская жажда спастись человѣчьими усиліями, это „покуда ничего“—вольная или невольная издѣвка. Здѣсь нужны... чудо, или ужь „голодная смерть“, внѣ этого — фальшь, самообманъ. И если могучая морально-творческая сила, моральное полнокрое, богатырскій ростъ Толстого, а больше всего милость Божія, и въ этомъ отношеніи уберегали его отъ страшнаго исхода, то послѣ его жизни и смерти самымъ этимъ богатырствомъ Толстого идущіе за нимъ и ждущіе—до нитки разорены, ограблены и раздѣты до нага.. И если Толстой отвлеченнымъ раціонализмомъ своей морали обезсмысливаетъ исторію, то исторія не останется, вѣроятно, въ долгу и сумѣетъ обезцѣнить и обезсмыслить такимъ же образомъ Толстого и его дѣло. И послѣ того, что онъ продѣлалъ, — „покуда ничего“. Вотъ бы Федюшка-то ахнулъ.

Но тѣ, кто около Толстого, вправду увѣровали, что если еще не они, то онъ уже можетъ, вотъ-вотъ возможетъ; они создавали въ душѣ своей суррогатъ религіи, быть-можетъ, уже не толстовство только, но религію Толстого. (Я увѣренъ, что крылатое слово „легенда“, пущенное въ дни ухода Толстого, указало вѣрно, — не скажу почву для образованія новой религіи, но для обманчиваго подобія религіи, разбрызгивающагося у самого источника своего въ брызгахъ сектантства)...

Гдѣ-то въ клубкѣ благочестивыхъ чувствъ всѣхъ Чертковыхъ, Бирюковыхъ, Булгаковыхъ, если не въ нихъ, то въ сокрытомъ „нуменѣ“ ихъ, уже надвязанъ узелъ обожествленія Льва Толстого, благочестиваго, благоговѣнно-молитвеннаго ожиданія отъ его жизни и смерти чуда, преобразующаго жизнь. Уходъ Толстого Мережковскій прямо и назвалъ чудомъ. „Чудо свершилось“,—объявилъ онъ въ „Русскомъ Словѣ“. Это само по себѣ ничего не обозначало; обозначило, быть-можетъ, только, какъ мало, какъ шумно и сценично, книжно-общественно вѣрить Д. С. Мережковскій въ чудо. Но, если не для Мережковскаго, когда-то болѣе чуткаго и тоньше чувствующаго по этой части, то для Толстовѣровъ, для людей въ подлинномъ смыслѣ религіозно-питающихся около Толстого, уходъ—чудо, чудесный актъ зачатія новой исторіи, новаго